

В просторном и пустом музыкальном классе у самого окна, заметно нервничая, стоял Харусая Макото. Он вглядывался в туманную даль, то и дело бросая беспокойные взгляды на стоявший на подоконнике цветочный горшок. Перед каждым признанием Макото подолгу выбирал особенное растение — такое, которое могло бы без лишних слов выразить всю глубину его чувств.

Вскоре послышался негромкий скрип отодвигаемой двери.

— Ситори-кун, наконец-то ты пришёл! — Харусая стремительно развернулся навстречу тому, о ком грезил все эти дни.

Вторым вошедшим в класс оказался Ситори Юки, едва успевший примерить на себя роль старшеклассника. В его облике ещё угадывалась юношеская угловатость, но лицо оставалось совершенно бесстрастным. В отличие от трепещущего ухажёра, Юки не выказал ни капли смущения. Он сразу же перешёл к делу, безжалостно обрывая всякие прелюдии.

— Давай побыстрее. Говори, что хотел, и закончим на этом.

— Но всё моё сердце, все чувства до единого слова записаны в этом письме! — взмолился Харусая. — Моя любовь чиста и невинна, точь-в-точь как этот Снег на горах! Достаточно лишь одного твоего взгляда, чтобы исцелить мою израненную душу. Без преувеличения скажу: я безвозвратно утонул в изумрудном омуте твоих глаз, Ситори-кун! Прошу, прими моё признание!

Распаляясь от собственных слов, Макото сгреб в охапку тяжёлый горшок и попытался насильно всучить его объекту своей страсти.

— Держи! Ну же, не робей! В этом скромном цветке сокрыта вся моя любовь, прими его!

Сказать, что напор Харусаи был бесцеремонным — значит промолчать. Макото наступал с упрямством разъярённого быка, не оставляя Юки шанса уклониться. Этот нелепый штурм вкупе с подозрениями, которые уже закрались в голову Ситори, окончательно вывел его из себя. Вспыхнув от злости, он закричал:

— Да прекрати ты уже!

Юки отчаянно рванулся назад и наотмашь пнул настырного ухажёра прямо по голени.

Раздался глухой удар, и Макото с воплем рухнул на пол, обхватив ушибленную ногу. Только остатки здравого смысла удержали Юки от того, чтобы разбить тяжёлый глиняный горшок о голову этого придурка.

— Прежде чем хвастаться тем, сколько сил вы угрохали на этот куст, Харусая-сэмпай, вам

стоило потрудиться и перечитать то, что вы написали! — ледяным тоном процедил Ситори.

Он взмахнул зажатými в руке листами.

— Ч-что?

— Я, знаете ли, впервые сталкиваюсь с ситуацией, когда на конверте написано одно имя, а в самом письме — совершенно другое!

— Быть... быть не может!

Острая боль в ноге тут же отступила перед накатившим ужасом. Макото оцепенел.

Всё верно. На белоснежном конверте красовалось размашистое «Для Ситори Юки», но само послание начиналось с нежного обращения к некой «Ясуи Микако».

«Постойте-ка... А кто вообще такая эта Ясуи Микако?»

— Проклятье, перепутал конверты! — с ужасом выпалил Харусая, слишком поздно осознав, что выдал себя с потрохами.

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел прикусить язык. Юки услышал всё до единого звука.

Пожалуй, на свете существовала лишь одна вещь, способная превзойти позором рассылку одинаковых любовных писем под копирку — это лично признаться в собственной халатности объекту обожания из-за дурацкой несдержанности.

— Да это... это всё потому, что... Ха-ха, знаешь, так неловко признаваться в таком перед парнем, который тебе нравится! — Харусая замялся, пытаясь изобразить глуповатую улыбку. — На самом деле у меня ужасно с родным языком! Я уже почти взрослый, а до сих пор путаю иероглифы в именах... Хе-хе...

Вместо сочувствия Ситори одарил его таким испепеляющим взглядом, что воздух вокруг, казалось, мгновенно замёрз. А затем, не говоря ни слова, Юки обхватил обеими руками массивный глиняный горшок и с тихим рычанием поднял его над головой.

На его красивом лице играла едва заметная холодная улыбка, чертовски подходившая к его грозному прозвищу — Ситори Первого Снега. От этого безмолвного величия веяло могильным холодом.

Но больше всего Харусаю пугало другое: он сам тащил этот горшок наверх и прекрасно знал, насколько тот прочен и тяжёл.

«Мне конец. Он меня убьёт»

— Прости! Прости меня! Я просто идиот, бес попутал! Пожалуйста, пощади! — взмолился Макото, мгновенно рухнув на колени и прижавшись лбом к полу в глубоком поклоне.

Тяжёлый горшок с грохотом опустился обратно на пол в паре сантиметров от его головы. Изрядно напуганный Харусая затрепетал всем телом.

— Вы не просто посмеялись над моими чувствами, вы оскорбили само это растение! — задыхаясь от гнева, выплюнул Ситори Юки. — Вы не заслуживаете даже вежливого отказа. Я наклею это письмо на общую доску объявлений, чтобы вся школа узнала, какой вы жалкий и бесчестный человек!

Сказано — сделано.

Юки резко развернулся и стремительным шагом покинул класс, хлопнув дверью перед носом собравшейся в коридоре толпы зевак.

Харусая остался лежать на полу с серым, безжизненным лицом.

В следующую секунду бывший ещё минуту назад полным сил председатель клуба садоводства бессильно распластался на паркете.

— Харусая-а-а!

— Обезьяна... то есть, Харусая-кун, только не останавливайся! Слышишь, борись!

— Они убили Харусаю! Сволочи!

— Ну и кретин.

— Надо же додуматься — рассылать признания по шаблону...

— Сам виноват, поделом ему.

Одноклассники, наблюдавшие за этой сценой со стороны, давно привыкли к подобным безумствам своего лидера. Поперешептывавшись для приличия, они быстро потеряли интерес и начали расходиться.

Лишь трое самых верных собутыльников и друзей бросились к павшему товарищу. Они сжали его холодеющие ладони, пытаясь вернуть его к жизни теплыми словами поддержки.

— Держись, А-Сэй! Не смей умирать!

— Я... я ведь знал... — пробормотал Харусая в полузабытьи, тратя последние силы на предсмертные откровения. — Ситори Первого Снега... он истинное сокровище. Его ледяной приём... жжёт кожу точно ядовитый сок Снега на горах... О, это было великолепно...

— Борись, А-Сэй! Кто-нибудь обязательно примет твоё признание! Слышишь?!

—... Нет. Всё кончено.

— О чём ты?

— Моя школьная жизнь... да и вся человеческая гордость... рассыпались прахом.

С этими словами его рука безвольно выскользнула из пальцев скорбящих друзей и упала на пол.

— А-Сэй!!!

— погоди, не уходи! А как же твоя коллекция дисков?! Завещай её нам!

— И журналы! Журналы под матрасом не забудь приписать!

— А, точно. Я вспомнил, — Харусая внезапно ожил, бесцеремонно отпихнул алчных приятелей и сел на полу. — Ясуи Микако... Она ведь первогодка из клуба софтбола, верно?

— Именно так.

Голос раздался вовсе не со стороны его верной свиты. Он донёсся откуда-то сверху, прямо у него за спиной. И принадлежал он девушке.

Коротко подстриженная, с крепкой спортивной фигурой и бронзовым загаром, третья виновница этого недоразумения материализовалась в дверях класса в самый неподходящий момент.

В левой руке Ясуи Микако комкала конверт, адресованный ей, и лист бумаги с признанием Ситори Юки. Правая её рука была сжата в увесистый, крепкий кулак.

— Это убожество... я ведь могу расценивать как плевок мне в лицо, а? — вкрадчиво поинтересовалась спортсменка.

— погоди! дай мне хотя бы попытаться оправдаться...

Полминуты спустя душераздирающий вопль Харусаи сотряс весь этаж.

Это было... невыразимо жестоко.

Кто бы мог подумать, что после первых трёх дней унылых и блёклых признаний, стоило ему лишь на секунду расслабиться, как судьба нанесла столь сокрушительный удар по его психике.

Второкурсник по имени Камикава Мотонори — если опустить его на удивление нелестные комплименты в адрес внешности Юки (и тактично умолчать о паре совсем уж неуместных эпитетов) — умудрился с выражением, завывая на все лады, зачитать четыре с лишним листа любовной поэзии. Это издевательство длилось добрых полчаса.

Причём этот стихоплёт с гордостью заявил, что корпел над своим шедевром целую неделю.

А под конец этот наглец без капли стыда рухнул Ситори в ноги, умоляя дать ему шанс и согласиться на свидание.

Всю ночь Юки преследовали кошмары, и наутро он чувствовал себя выжатым как лимон.

Стоило ему вспомнить вчерашний поэтический вечер, как к горлу подкатывал ком. Юки судорожно сглотнул, содрогаясь от рвотного позыва, и мысленно возблагодарил гения, который когда-то изобрёл электрошокер.

Сложно сказать, что нанесло бы его неокрепшей душе более глубокую травму — прямое физическое насилие или эта изошрённая психологическая пытка, выжегшая его мозг дотла.

«Надеюсь, они добились своего и этот идиотский балаган наконец-то прекратится», — уныло подумал Юки.

Он вежливо отказался от платка, который участливо протянула Коидзуми Карин, и с замиранием сердца открыл свой обувной шкафчик.

Как и следовало ожидать, внутри его ждал пятый по счёту конверт.

В день финала

После уроков

Аки Рэйсукэ чувствовал, как от волнения всё его тело напряглось. Ему уже доводилось признаваться в любви, но разыгрывать подобный спектакль перед парнем приходилось впервые.

«Конечно, я выбрал самый глухой и безлюдный угол двора, чтобы в случае позорного провала не попасться никому на глаза... Но погодите! А если он вдруг согласится?! Что мне тогда делать?»

Мысли Рэйсукэ путались и уходили в совершенно дикие дебри.

«Я ведь нормальный парень, мне нравятся девчонки! Если он ответит взаимностью, я физически не смогу с ним встречаться. Придётся изворачиваться, объяснять, что всё это было лишь уловкой, чтобы отвлечь его от Ямато Высоких Гор... Господи, какая же каша! И что там вчера нёс Камикава?... Проклятье, вообще ничего не помню! Он ведь со вчерашнего дня взял больничный на целую неделю — теперь даже не спросишь у этого поэта, как выкручиваться!»

Пока Рэйсукэ в растерянности ерошил волосы на затылке, силясь воскресить в памяти инструкции Мотонори и остальных заговорщиков, позади послышался шорох шагов.

— Как и договаривались в письме, я пришёл.

Голос за спиной прозвучал мягко и чисто, словно журчание лесного ручья.

Сделав глубокий вдох, Рэйсукэ медленно развернулся.

Перед ним стоял юноша поразительной, утончённой красоты. Слово «прекрасный» подходило ему как нельзя лучше.

«А он... чёрт, он действительно чертовски хорош собой! Если он согласится, я, пожалуй, даже не проиграю...»

В глазах Аки вспыхнул огонёк азарта, но он посмотрел ниже, на классические мужские брюки школьной формы, и ускользающий рассудок мгновенно встал на место.

«Нет-нет-нет, он же парень! С ума сошёл? С парнями — никакого дела! Полное табу!»

Дрожащими руками Рэйсукэ протянул конверт.

Разумеется, это «искреннее послание», как и письма предыдущих заговорщиков, было наспех содрано из интернета и слегка подправлено. Никаких чувств туда не вкладывалось.

Исключением оставался лишь несчастный Камикава Мотонори.

Втайне от остальных участников заговора он излил на бумагу столько собственной неприкрытой страсти, что любой нормальный человек после прочтения его опуса мучился бы кошмарами как минимум трое суток.

Сдерживая внутреннюю дрожь, Ситори взял конверт.

Развернув аккуратно сложенный лист, он незаметно выдохнул с облегчением.

Текст письма ничем не отличался от унылых шаблонов первых дней: те же казённые фразы, та же штампованная вежливость. Халтура сквозила в каждой строчке, и Юки был бесконечно благодарен автору за этот сухой непрофессионализм.

Бритоголовый старшеклассник оттараторил положенные слова признания, выслушал неизбежный мягкий отказ и со сложной гаммой чувств на лице поспешил ретироваться.

«Слава богу. Вчерашний ад действительно был просто нелепой случайностью. Адекватных людей в школе всё-таки больше», — успокоил себя Ситори.

Он уже собирался сложить лист вчетверо и убрать в карман, как вдруг заметил странную деталь. Под определённым углом, когда блеклые лучи вечернего солнца упали на плотную бумагу сбоку, на чистом нижнем поле проступил едва заметный рельеф.

Это были бесцветные полосы — вмятины, которые остаются на бумаге, если писать на лежащем сверху листе, слишком сильно нажимая на ручку.

Ситори прищурился, вглядываясь в выдавленные очертания букв. И в этот миг все странности последних дней — череда нелепых признаний от абсолютно разных людей — наконец-то выстроились в его голове в единую, пугающе чёткую картину.